



Научная статья

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.3>

УДК 364.054: 930.253 (470.6) «18-19»

«ЗА ПОЖЕРТВОВАНИЯ В ПОЛЬЗУ ЦЕРКВЕЙ...»: ПРИМЕРЫ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ ПРАВОСЛАВНОЙ ПАСТВЫ КАВКАЗСКОЙ ЕПАРХИИ В ПОЛЬЗУ ЦЕРКВИ В 40-Х ГГ. XIX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ)

Юрий Юрьевич Гранкин¹, Юрий Юрьевич Клычников^{2*}, Александр Абакарович Кудрявцев³

^{1,2} Пятигорский государственный университет (д. 9, пр-кт Калинина, Пятигорск, 357532, Российская Федерация)

^{1,2} Доктор исторических наук, профессор

¹ grankinj@pgu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5520-9923>

² klichnikov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3345-8793>

³ Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

³ Доктор исторических наук, профессор

³ kaa0210@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0008-5647-4092>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Статья раскрывает особенности благотворительной деятельности православной паствы в пользу своих храмов. Эта часть религиозной северокавказской повседневности позволяет понять особенности мировоззрения верующих людей, для которых вклад в общее благо являлся важной нравственной потребностью. **Материалы и методы.** На основании анализа деятельности Ставропольской духовной консистории выявляются события, связанные с частной благотворительностью паствы Кавказской епархии. Основной массив документов сосредоточен в Государственном архиве Ставропольского края, фонде 135 – Ставропольская духовная консистория. Применяемый описательный метод позволяет получить представление о побудительных мотивах дарителей, показать, на что шли безвозмездно передаваемые Церкви ценности. **Анализ.** Учрежденная в 1843 г. Кавказская епархия испытывала затруднения с организацией процесса окормления своей паствы. В значительной степени забота о благоустройстве храма, куда прихожане приходили на церковные службы, становилась заботой самих мирян. Уделяется внимание разбору обстоятельств, при которых осуществлялось пожертвование. Важным моментом можно считать контроль со стороны церковного руководства за целевым расходованием полученных средств. **Результаты.** Делается вывод о том, что дары чаще всего приносились для украшения храма, который являлся для верующих сакральным пространством. Пожертвования

являлись способом покаяния и замаливания грехов, способом повысить свой авторитет в глазах общества, т.к. становились «символическим капиталом», характеризующим богоугодные достоинства конкретного человека. Церковь тщательно следила за соблюдением добровольности в поступке дарителя, и для подтверждения такого шага нередко привлекались свидетели из числа прихожан, связанных с храмом, в адрес которого было сделано пожертвование.

Ключевые слова: Церковь, храм, пожертвование, благотворительность, епархия, иконы, прихожане

Для цитирования: Гранкин Ю. Ю., Клычников Ю. Ю., Кудрявцев А. А. «За пожертвования в пользу церквей...»: примеры благотворительности православной паствы Кавказской епархии в пользу Церкви в 40-х гг. XIX в. (по материалам Государственного архива Ставропольского края) // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 2. С. 229–233. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.3>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 15.11.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 18.02.2024.

Статья принята к публикации: 25.03.2024.

Research article

“FOR DONATIONS IN FAVOR OF CHURCHES...”: EXAMPLES OF CHARITY OF THE ORTHODOX CONGREGATION OF THE CAUCASIAN DIOCESE IN FAVOR OF THE CHURCH IN THE 1940S (BASED ON MATERIALS FROM THE STATE ARCHIVE OF THE STAVROPOL KRAI)

Yurij Yu. Grankin¹, Yuriy Yu. Klychnikov^{2*}, Alexandr A. Kudryavtsev³

^{1,2} Pyatigorsk State University (9, Kalinina Avenue, Pyatigorsk, 357532, Russian Federation)

^{1,2} Dr. Sc. (History), Professor

¹ grankinj@pgu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5520-9923>

² klichnikov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3345-8793>

³ North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

³ Dr. Sc. (History), Professor

³ kaa0210@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0008-5647-4092>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. The article reveals the features of charitable activities of the Orthodox congregation in favor of their churches. This part of religious North Caucasian everyday life allows us to understand the peculiarities of the worldview of religious people, for whom contribution to the common good was an important moral need. **Materials and Methods.** Based on an analysis of the activities of the Stavropol Spiritual Consistory, events related to the private charity of the congregation of the Caucasian diocese are identified. The main body of documents is concentrated in the State Archive of the Stavropol Krai, fund 135 - Stavropol Spiritual

Consistory. The descriptive method used allows us to get an idea of the motivations of the donors and show what the values donated to the Church were used for. **Analysis.** The Caucasian diocese, established in 1843, experienced difficulties in organizing the process of caring for its flock. To a large extent, concern for the improvement of the temple, where parishioners came to church services, became the concern of the laity themselves. Attention is paid to the analysis of the circumstances under which the donation was made. An important point can be considered the control on the part of the church leadership over the targeted expenditure of funds received. **Re-**

sults. It is concluded that gifts were most often brought to decorate the temple, which was a sacred space for believers. Donations were a way of repentance and atonement for sins, a way to increase one's authority in the eyes of society, because they became "symbolic capital" characterizing the godly virtues of a particular person. The church carefully monitored the observance of voluntariness in the act of the donor, and to confirm such a step, witnesses were often brought in from among the parishioners associated with the temple to which the donation was made.

Keywords: Church, temple, donation, charity, diocese, icons, parishioners

For citation: Grankin YuYu, Klychnikov YuYu, Kudryavtsev AA. "For donations in favor of churches...": examples of chari-

ty of the Orthodox congregation of the Caucasian diocese in favor of the Church in the 1940s (based on materials from the State Archives of the Stavropol Krai). *Humanities and law research.* 2024;11(2):229-233. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.2.3>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 15.11.2023.

The article was approved after reviewing: 18.02.2024.

The article was accepted for publication: 25.03.2024.

Введение. Благотворительность, готовность пожертвовать частью своего состояния ради общественной пользы, считается важной добродетелью христианина. Тем более такая потребность поощряется, когда речь идёт о поддержке церковной службы, которая зачастую зависит от возможности её содержания со стороны прихожан. Обозначенная сторона жизни православного человека всегда считалась важной и почитаемой формой проявления его христианской добродетели. Соответствующие отсылки мы находим в Евангелие от Матфея, где сказано: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф. 5:7) [1, с. 1015].

Образовавшаяся в 1843 г. Кавказская епархия испытывала серьёзные трудности в организации богослужения, предполагавшего формирование торжественного, возвышенного настроения у своей паствы, для которой храм должен был ассоциироваться с местом её единения с Богом, приобщения к таинству причастия. Для этого храмы старались украшать дорогой и красивой церковной утварью, иконами с окладами и прочими проявлениями атрибутов богатства, ассоциировавшимися с будущим обретением праведниками воздаяния за свои прижизненные заслуги. Важным представляется тот факт, что всё это принадлежало не отдельному человеку, пусть и относящегося к клиру, а всей Церкви как сообществу Христа и его последователей.

Рассматриваемая проблема достаточно скудно отражена в кавказоведческой литературе, и лишь благодаря усилиям П.Г. Немашкалова мы получаем представление об этой стороне жизни северокавказской паствы [10, с. 76-80; 12, с. 62, 66-67 и др.]. Примечательно, что автор, будучи первопроходцем в данном вопросе, опирается преимущественно на впервые введённые в научный оборот архивные сведения. По мере накопления эмпирических данных можно будет делать широкие обобщения. Сформулированная тема имеет весьма эвристически продуктивные научные перспективы, в частности, в области исторической психологии.

Материалы и методы. Исходя из специфики деятельности Кавказской духовной консистории, отвечавшей за контроль и регулирование такого рода сторон церковной жизни, резонно осуществлять поиск информации по интересующему нас вопросу в Государственном ар-

хиве Ставропольского края, фонде 135 – Ставропольская духовная консистория, где и собраны дела, касающиеся частной благотворительности северокавказских прихожан в пользу храмов. Чаще всего речь идёт об отчётах, которые присылали священники, возглавлявшие причт, на имя епископа Иеремии, поясняя, при каких обстоятельствах были получены средства на благоустройство церкви. Также в этих документах содержались просьбы о разрешении воспользоваться дарами для приобретения необходимой утвари, т.к. зачастую жертвователю в качестве условия указывал, на что именно должны быть потрачены переданные им средства.

Применяемый нарративный метод позволяет осуществить первичную систематизацию и анализ выявленных источников, показывает, как данная проблема отражалась во взглядах современников описываемых событий. Используя его, можно выявить признаки самого явления частной благотворительности в церковной жизни, провести первичный анализ побудительных мотивов паствы, участвующей в безвозмездной передаче материальных ценностей в пользу общей религиозной святыни.

Анализ. В обстоятельствах северокавказского фронта новообразованная Кавказская епархия претерпевала значительные затруднения в организации процесса окормления паствы. Полученного государственного финансирования не хватало даже для обустройства быта священнослужителей и членов их семей, а потому забота о красоте храма зачастую ложилась на плечи самих прихожан [11, с. 31]. В условиях военно-политической нестабильности в крае потенциальные жертвователи зачастую не могли похвастаться высоким благосостоянием и нередко испытывали материальные затруднения. Тем ценнее были их дары, которые нередко являлись не излишками, а частью необходимых потребностей собственного прожиточного минимума. Существует мнение, согласно которому «причинами благотворительности является то, что люди по своей природе альтруистичны, и ими движет желание помогать другим. Побудительным мотивом проявления благотворительности относится осознание её участниками целостности человеческого общества, сопричастности и ответственности за мир, в котором живём» [10, с. 77].

Как уже отмечалось, среди способов, которыми прихожане могли выказать свою любовь к

пастырю и месту, где возносятся молитвы к Господу, можно отметить приобретение церковной утвари или элементов украшения храма. Так, моздокский купец Мирон Осипович Максимов за свои средства, приобрёл «серебряную ризу на наместную икону Божией Матери весом в 1500 золотников с вызолоченным венцом» [8, л. 1]. Стоимость такого дара оценивалась в 1700 руб. ассигнациями, и приобрести самостоятельно столь дорогое украшение храм вряд ли бы смог.

Ещё одним дарителем выступил «бывший управляющий питейными сборами Фридрихгамский купец Иван Иванов сын Иванов». Его дарами стали настенные часы и икона в серебряном окладе в киоте, к которой прилагалась ещё и серебряная лампадка. Божница была размером $\frac{3}{4}$ аршина. По оценке часовщика первый дар обошёлся купцу в 60 руб. серебром, а второй оценивался в 90 руб. [8, л. 1-1 об.].

И, наконец, «старанием попечителя купца Парамонова, даянием посильным прихожан», были собраны средства, на которые из иконной меди изготовили ризы для икон Св. мученицы Екатерины и Сошествия Св. Духа «с позолотой венцов и яхонтовыми, прилично отделанными камнями». Вместо лампад храм получил два медных подсвечника «для наместных икон Спасителя и Божией Матери» [8, л. 1 об.]. Общая стоимость результата совместных усилий прихожан оценивалась в 400 руб. ассигнациями.

Судя по документу, жертвователи не ограничивались разовыми подношениями, а старались поддерживать свою церковь при наличии материальной возможности. По крайней мере, и купец Иванов, и купец Парамонов ранее выделяли как деньги, так и материал (серебро) для изготовления ризы на икону Спасителя. Упоминались фамилии лишь наиболее состоятельных благотворителей, но фактически число людей, внёсших «посильное даяние», было больше. Скорее всего, эти пожертвования были анонимны и люди не стремились к публичному земному восхвалению, уповая на Высший Суд.

Подготовивший этот отчёт, датируемый 30 мая 1847 г., священник Моздокского собора Александр Романовский просил епископа Кавказского и Черноморского Иеремию «архипастырского благословения ревнующим о украшении Дома Господня». Явно испытывая гордость за своих прихожан, он высказывал своё мнение об их подвижничестве: «Принимая в соображение малочисленность прихожан наших могу не обинуясь сказать, что сила Божия в немощах совершается» [8, л. 2].

Довольно распространённым способом выразить своё отношение к Церкви и её молитвам за спасение души прихожанина были завещания-пожертвования, когда прихожанин оставлял часть своего имущества или деньги в пользу храма. Так поступил в 1847 г. титулярный советник Михаил Грудницкий, который оставил «в

пользу Андреевской церкви», расположенной в г. Ставрополе, тысячу рублей серебром [9, л. 1].

В Ставропольский приказ общественного призрения поступила сумма в 500 руб. серебром, которую завещал Андреевскому храму коллежский советник Крутицкий «в пользу их и на вечную память». Проценты с этих денег получали служители храма и использовали для текущих нужд [9, л. 14].

Аналогичным образом могли поступить и родственники усопшего. Весной 1845 г. служивший в Моздокском соборе священник Александр Романовский сообщил, что дочь усопшего титулярного советника Федюшина – Александра, по мужу Туркевичева – решила передать в пользу церкви дом, который достался ей после смерти отца. Тот был похоронен около Ильинской церкви, и она таким образом хотела отблагодарить храм и оставить о своём родителе добрую память.

Складывается впечатление, что это имущество могло принести владелице больше хлопот, чем выгоды. Дело в том, что строение находилось в руках «вдовой армянки Мартыновой», мужу которой оно некогда было передано во временное пользование. Сама дарительница не имела возможности явиться «для получения сего дома» и, видимо, предпочла отдать такое проблемное наследство Духовному правлению [3, л. 1]. В итоге дом был «продан с аукционного торга за 20 рубл. и 15 к. сереб., полученные деньги... записаны на приход и вложены в Ильинскую церковную сумму» [3, л. 20]. Стоимость дома, пусть, по всей видимости, и не самого хорошего, тем не менее позволяет сопоставить те пожертвования, которые отдавали состоятельные прихожане на нужды церквей. Годовое жалование титулярного советника казной оценивалось в 75 руб. серебром. Без общих усилий украсить Храм Божий было бы невозможно.

Церковь строго следила за принципом добровольности пожертвования, не пытаясь оказывать давления на волеизъявление прихожанина. Дабы избежать обвинений в принуждении к дарению, священники принимали такие ценности в присутствии свидетелей из числа мирян. Такой вывод можно сделать на основании прошения священника Покровской церкви, расположенной в селении терновая Балка – Иоанна Флагинского (Флегинского). В октябре 1848 г. он поведал, что живущий в их селе государственный крестьянин Иван Гапонов «в прошедшую эпидемическую болезнь холеру будучи поражён оною, пригласил меня священника для напутствования его к смерти» [6, л. 1]. Вместе с ним к больному отправился и церковный попечитель государственный крестьянин Матвей Казменков. Он должен был стать исполнителем духовного завещания, которое ему было вручено «при подписавшихся на сем завещании лицах и распределённых по оному деньги, с мольбою исполнить в точности» [6, л. 1]. Умиравший распорядился, чтобы в Покровскую церковь на оставляемые им три тысячи рублей ассигнаци-

ями были приобретены «сосуд, Евангелие и напрестольный крест» [6, л. 1 об.]. Но сделать это можно было лишь с личного согласия Преосвященного епископа Кавказского и Черноморского, о чём его и просили Флагинский и Казменков.

Особое внимание заслуживает дар, сделанный в 1846 г. мещанином Иваном Недригайловым, который он сделал «на украшение тюремного храма» [5, л. 2]. Интересна, прежде всего, личность самого жертвователя, неоднократно упоминавшегося в различных документах, посвящённых непростым взаимоотношениям между официальной Церковью и старообрядцами. В первый раз он упоминается в докладе служившего в Прочном Окопе в церкви Святого Митрофана Воронежского Чудотворца священника Петра Модестова, который рассказал, что местные раскольники пользуются в богослужении услугами неизвестного, совершающего требы по «раскольническому мудрованию» [2, л. 1]. Местные жители укрывали его на близлежащих хуторах, но при необходимости тот появлялся и в самой станице. Ни старики, ни атаманы, которые знали о его деятельности, не препятствовали совершению службы по старому обряду, т.к. сами являлись «суть раскольники» [2, л. 1].

Если первое время «сей раскольнический поп» ещё проявлял осторожность, то в дальнейшем, убедившись в поддержке казаков, перестал опасаться конкурента со стороны официальной Церкви [2, л. 5]. Однако утративший чувство опасности священник переоценил собственную неуязвимость. По секретному распоряжению подполковника барона Фитингофа, являвшегося командиром Кубанского казачьего полка, он был в итоге задержан и передан в распоряжение Кавказского гражданского губернатора [2, л. 8 – 8 об.].

Уже в ходе следствия приоткрылась тайна этого часовенного служителя, который оказался выходцем из Московской губернии, местечка Лавры по имени «Иван Васильев сын Недрогайлов» (в других документах фамилия записана как Недригайлов – авт.), осуждённый «за соращение из православия в старообрядческую секту» и отправленный на поселение в Тифлис [2, л. 8 об.]. По пути он сумел укрыться в станице Прочноокопской и продолжил свою деятельность среди единомышленников-староверов.

Окормляя паству и совершая требы, он сумел собрать довольно внушительную сумму, которая была на время следствия у него изъята, но конфискации при этом не подлежала. Обратившись к областному прокурору подследственный просил выдать ему его 245 руб. 70 коп., из которых 14 руб. 28 ½ коп. серебром решил пожертвовать на украшение Ставропольского тюремного храма первопрестольных апостолов Петра и Павла. Сам Недригайлов теперь вместо Тифлиса был отправлен в Каспийское областное правление, которое и должно было определить

для него место поселения. Сюда и было решено переслать затребованную им сумму. При этом при вручении денег от него затребовали отзыв, «не отменил ли он прежнего своего намерения насчёт пожертвования им на украшение тюремного храма...» [5, л. 3]. Занимавшаяся этим Палата государственных имуществ подтвердила добровольность желания жертвователя, и лишь после этого сумма была передана Кавказской духовной консистории [5, л. 10-10 об.].

Делиться своими средствами с храмом было для региональной элиты своеобразным «правилом хорошего тона». Возможно, честолюбивые прихожане стремились продемонстрировать свою состоятельность, однако немаловажной мотивацией в поступках таких дарителей было и желание искупить свои грехи. Было много способов потешить собственное тщеславие, однако жертвователи предпочитали внести лепту именно на украшение храма, чтобы его торжественный и величавый вид и внутреннее убранство радовали взор приходивших туда людей.

Ключарь кафедрального Троицкого собора священник Афанасий Кучерев летом 1845 г. в своём рапорте епископу Иеремии докладывал, что ставропольский почётный гражданин Илья Стасенков пожертвовал на нужды духовенства «архиерейское облачение, как то: Саккос (верхнее архиерейское богослужбное облачение. – авт.) золотой парчи с большим по ней рытого бархата и шелковыми цветами и таковыми же херувимами, епитрахиль золотой парчи с шелковыми по ней мелкими цветами – разрезную, большой и малый омоворы (ленты с изображением крестов, часть облачения священника. – авт.) такой же парчи» [4, л. 1-1 об.]. Стоимость дара оценивалась в 1600 руб. 35 коп. ассигнациями. Кроме того, на средства, переданные купцом Николаем Нестеровым, в размере 178 руб. 35 коп. заказан «золотого на шелку глазета архиерейский подризник» [4, л. 1 об.]. Это деяние не осталось незамеченным. Указом императора жертвователям было передано «благословение Святейшего Синода» [4, л. 4]. Примечательно, что такая награда являлась средством не материального, а духовного поощрения, что вполне соответствовало культивируемому в умах верующих людей нравственному императиву «не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Мф. 4:4) [1, с. 1014].

Церковь и общественность стремились контролировать расходование средств, получаемых от таких людей, проверяли, на что расходуются полученные суммы. За рвание общему благу прихожанина могли наградить медалью, наличие которой весьма ценилось, было законным поводом для самоуважения. В этой связи вызывает интерес характеристика почётного гражданина купца Игнатия Юдина Волобуева, которая 15 апреля 1850 г. была отправлена из Ставропольской городской Думы в Кавказскую

духовную консисторию. В ней отмечалось, что он «поведения весьма хорошего» и уже не раз был отмечен за свои подвижнические труды, «награждён тремя золотыми медалями на Анненской ленте за поставку провианта, на Владимирской ленте за городскую службу и на Александровской ленте за пожертвование в пользу церквей» [7, л. 22]. Показательно, что здесь сочли необходимым продемонстрировать все усилия этого человека, направленные на общее благо, и не ограничились лишь теми делами, которые касались непосредственно Церкви. Очевидно, был важен сам христианский подход Волобуева в его служении людям.

Что касается непосредственно заслуг купца и почётного гражданина перед духовным ведомством, то здесь он был отмечен как жертвователь «в пользу домовою Архиерейской Кресто-Воздвиженской церкви со всеми к оной и самому дому постройками» [7, л. 22-22 об.]. Городская Дума, проведя оценку материального вклада в возведение этих построек, установила, что он составил от 15 до 17 тыс. руб.

Результаты. На основании анализа приведённых примеров можно выделить следующие обстоятельства, побуждавшие прихожан делать пожертвования в пользу Церкви:

- дар приносился для украшения храма, в который жертвователь ходил на службу, приобретаясь к христианским таинствам и ощущая потребность в формировании благолепия этого сакрального пространства;

- человек, будучи на исходе своего жизненного пути и передавая средства в храм, надеялся, что добрый поступок облегчит его участь во время Высшего Суда;

- состоятельный прихожанин, помимо удовлетворения религиозной морально-нравственной потребности, вполне мог получить имидживые преференции в глазах общества и претендовать на награду, являвшуюся важным «символическим капиталом», необходимым для карьерного роста;

- пожертвование являлось разновидностью раскаяния, которым прихожанин хотел продемонстрировать своё стремление искупить вину перед Богом и людьми.

Объединяет их принцип добровольности, за которым тщательно следили в духовной консистории, потому настоятелям храмов нередко требовалось личное распоряжение епископа, чтобы получить возможность распорядиться средствами, полученными от дарителя.

Литература

1. Библия Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. В русском переводе с параллельными местами и приложениями. М.: Российское библейское общество, 2001. 1377 с.
2. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 135. Оп. 2. Д. 317.
3. ГАСК. Ф. 135. Оп. 3. Д. 5.
4. ГАСК. Ф. 135. Оп. 3. Д. 19.
5. ГАСК. Ф. 135. Оп. 4. Д. 50.
6. ГАСК. Ф. 135. Оп. 4. Д. 131.
7. ГАСК. Ф. 135. Оп. 5. Д. 247.
8. ГАСК. Ф. 135. Оп. 5. Д. 295.
9. ГАСК. Ф. 135. Оп. 5. Д. 305.
10. Немашкалов П. Г. Частная благотворительность в церковной сфере на Северном Кавказе в период становления Кавказской епархии: середина XIX в. // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 3. С. 76–80.
11. Немашкалов П. Г. Приходское духовенство Северного Кавказа во времена становления Кавказской епархии (конец XVIII – середина XIX веков) // Новый исторический вестник. 2017. № 54(4). С. 28–44.
12. Немашкалов П. Г. Образование Кавказской епархии и её роль в жизни Северного Кавказа в 1840-е годы. Ставрополь: Ставропольская духовная семинария, 2018. 244 с.

References

1. Bible Books of Holy Scripture of the Old and New Testaments. In Russian translation with parallel passages and applications. Moscow: Russian Bible Society; 2001. 1377 p. (In Russ.)
2. State Archive of the Stavropol Krai (GASK). F. 135. Op. 2. D. 317. (In Russ.)
3. GASK. F. 135. Op. 3. D. 5. (In Russ.)
4. GASK. F. 135. Op. 3. D. 19. (In Russ.)
5. GASK. F. 135. Op. 4. D. 50. (In Russ.)
6. GASK. F. 135. Op. 4. D. 131. (In Russ.)
7. GASK. F. 135. Op. 5. D. 247. (In Russ.)
8. GASK. F. 135. Op. 5. D. 295. (In Russ.)
9. GASK. F. 135. Op. 5. D. 305. (In Russ.)
10. Nemashkalov PG. Private charity in the church sphere in the North Caucasus during the formation of the Caucasian diocese: mid-19th century. Humanitarian and law research. 2017;(3):76-80. (In Russ.)
11. Nemashkalov PG. The parish clergy of the North Caucasus during the formation of the Caucasian diocese (late XVIII - mid-XIX centuries). New historical bulletin. 2017;54(4):28-44. (In Russ.)
12. Nemashkalov PG. The formation of the Caucasian diocese and its role in the life of the North Caucasus in the 1840s. Stavropol: Stavropol Theological Seminary; 2018. 244 p. (In Russ.)